меня во уста". Человек же той скоро начат целовати сатану. Он же рад бысть такой любезности, забы даже истязати о рукописании» (л. 97). Этот момент играет весьма существенную роль в дальнейших перспективах героя на спасение души: он «часто же хождаше в церковь и моляшеся богу о избавлении души своей ... точию то помышляше, яко рукописание не даде сатане, точию целование» (л. 100). Эта обработка повести, выдержанная в традиции древнерусской книжности, по-видимому, принадлежит известному усть-цилемскому писателю и книжнику XIX в. Ивану Степановичу Мяндину (1823—1894 гг.)[6] и любопытна как новый факт его творческой биографии. О том, что это обработка И. С. Мяндина, свидетельствует прежде всего полное сходство почерков публикуемого списка и рукописей И. С. Мяндина, кроме того, рукопись № 70 была приобретена В. И. Малышевым (как он нам указал) у внука И. С. Мяндина.

С произведениями И. С. Мяндина усть-цилемскую повесть сближает также и сам характер ее обработки, и тематическая близость ее к повестям, которые привлекали внимание усть-цилемского книжника. В. И. Малышев, который занимался изучением творчества печерского писателя, отмечал как отличительную черту переработанных И. С. Мяндиным повестей о царе Аггее, о царице и львице, о царевне Персике, что в них усть-цилемский редактор «мечтал об участии народа в управлении страной ... прославлял честный труд (царь Аггей), обличал жестокость и корысть богачей».[7]

Демократические настроения крестьянского писателя особенно сказались в повести о Царице и львице, где «подчеркнута роль народа, народного собрания»[8] в управлении государством. «Царь, связанный с народом, обращающийся к народу за советом — мотив нередкий в печорских произведениях и переделках XIX в.»,[9] в том числе и в повести о царевне Персике, переработанной И. С. Мяндиным. Такую же трактовку этих тем находим и в нашей повести. Бывший «преступник и темничник» с помощью дьявола становится богоизбранным царем, в мудрое правление которого «весь народ переменился: из татей и разбойников и пияниц и других злодеев соделались мирными и трудолюбивыми жителями». Перехитрив черта, бывший преступник, а ныне «богоизбранный царь» спасает свою душу путем самоистязания, казни, учиненной над ним по его же собственному приказу, и попадает в мученики. Таково в этой повести своеобразие решения фаустовской и житийной темы. Но хотя в повести сильно ощутим религиозный колорит, старообрядческое начало в развитии сюжета (что, вероятно, является результатом позднейшей обработки), не к этому сводится ее пафос. Писателя сильнее увлекают «мирские» проблемы человеческой морали, духовного самосовершенствования, превращения преступника и тюремника в мученика, а главная тема повести — это тема идеального справедливого «богоизбранного» царя, выбранного из самых народных низов, тема, близкая народному

---

[6] В. И. Малышев. 1) Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 567; 2) Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 443; 3) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 14—16 и др. (на стр. 13, 15 даны фотографии почерка И. С. Мяндина); Старинные переплеты и рукописные находки. — Русская литература. 1960, № 4, стр. 189.

[7] В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания, стр. 568.

[8] В. И. Малышев. Усть-цилемская обработка повести о царевне Персике. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 330.

[9] Там же, стр. 328.